

Остапенко Михаил Кириллович

Первое боевое крещение

Я родился в 1926 году в Кулундинской степи, Алтайского края. Начальную школу окончил в своем селе Апаевка, Ключевского района. А затем три года учился в селе Курск. В 1941 году окончил семь классов, и началась война. Но мне, как и двум моим младшим братьям, и до того горя хлебнуть пришлось немало, так как в 1934 году умерла наша мама. А мачеха у нас была похлеще, чем в сказке «Золушка».

Отец наш погиб под Москвой в феврале 1942 года, а мачеха, бросив нас на произвол судьбы, ушла в дом своей матери. Около года мы жили одни, а потом нас приютила родная сестра мамы - тетя Маня, хотя у нее было четверо своих ребят, а её муж тоже погиб на фронте.

30 октября 1943 года нас, шестерых 17-летних пацанов из одной деревни, призвали в армию. Увезли в г. Ачинск, Красноярского края, в 128-й запасный стрелковый полк, во 2-й пулеметный батальон. Шесть месяцев учили нас военному делу, готовили наводчиков станкового пулемета «Максим». Готовили по-настоящему, жестко...

В апреле 1944 года с маршевой ротой мы отправились на фронт. До Смоленска ехали в теплушках, а затем пешим маршем прибыли в район Красного Бора (Красное). Здесь нас тро-

их - Петра Шишкина, Роберта Спинова (эвакуированного к нам из Ленинграда) и меня - определили во 2-ю пулеметную роту 620-го стрелкового полка 164-й стрелковой дивизии. Несколько дней нас откармливали, так как мы все были очень худые (я, например, весил 42 кг), обучали непосредственно в боевой обстановке. Учили ведению боя в крупном населённом пункте, преодолению водных преград и болот ввиду предстоящих боев за освобождение города Витебска.

23 июня 1944 года началось наступление нашего 3-го Белорусского фронта (операция «Багратион») под командованием самого молодого командующего фронтом генерала армии Черняховского Ивана Даниловича, дважды Героя Советского Союза, впоследствии погибшего на фронте в феврале 1945 г. Одновременно с нами началось наступление 2-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

Сам Витебск был очень укреплен и подготовлен к круговой обороне, особенно по р. Лучеса. Непосредственно на Витебск наступали: 39-я армия генерала Людникова И.И., куда входила и наша 164-я стрелковая дивизия, - с юга, а с севера наступала 43-я армия генерала Белобородова А.П. (1-й Прибалтийский фронт). Незадолго до наступления мы узнали, что союзники, наконец-то, открыли второй фронт в Европе, высадившись на севере Франции, в Нормандии.

Наступательный порыв наших войск был очень велик... Наш 620-й стрелковый полк наступал во втором эшелоне дивизии. Во второй половине дня нас встретил на марше командир дивизии полковник Синицин Г.И. Он ехал на открытом американском «виллисе». Командир полка подполковник Сонис Я.Я., ехавший впереди полка верхом, соскочив с лошади и сбросив с плеч кавалерийскую бурку, стал докладывать командиру. Тот прервал его, не выходя из машины, встал во весь рост и произнес перед нами небольшую речь. Ознакомил нас сначала с положением на передовой, сказал, что наступление развивается успешно, а потом скомандовал нашему полку: «Смирно! Направо! Вперед на запад шагом... марш!!!».

Наша дивизия продолжала наступление юго-западнее Витебска, навстречу 43-й армии. И в ночь на 25 июня мы вышли к р. Западная Двина, где встретились с частями 43-й армии. Окружив витебскую группировку немцев, расчленили ее на две группы, затем еще на три. Озверевшие фашисты жестоко

злоствовали, жгли все, что могло гореть. В Витебске не осталось ни одного целого дома! Немцы часто контратаковали нас. Мы как раз оказались на направлении их главного удара. Несмотря на большие потери, они лезли на юго-запад, на соединение со своими войсками. У них были и танки, и штурмовые орудия. Основная тяжесть по отражению контратак немцев выпала на долю нашего 620-го стрелкового полка и 17-й гвардейской дивизии 43-й армии. За день 25-го и ночь на 26 июня было отражено 18 контратак фашистов. Нашему полку был придан батальон 2-го гвардейского мотоциклетного полка. Но и наши потери были тоже очень большие.

На какие только варварские методы не шли фашисты! Например, в ночь на 25 июня 1944 года стало известно, что днем в районе обороны 742-го стрелкового полка нашей 164-й стрелковой дивизии немцы готовят провокацию. Согнав местных жителей, в основном стариков, женщин и детей, они попытаются под их прикрытием прорваться на запад. Командование полка совместно с одним мотоциклетным батальоном в течение ночи незаметно для фашистов вырыли и хорошо замаскировали окопы и траншеи, разместив в них полковую роту автоматчиков и роту мотоциклистов. А местных жителей сумели предупредить, что, как только дадут красную ракету, все должны сразу залечь. Так все и было сделано. Когда жители приблизились к окопам, была пущена ракета, и все они одновременно упали на землю. По фашистам был открыт ураганный автоматно-пулеметный огонь. Большая часть их была уничтожена, остальные сдались в плен.

Освободив село Юдовка, мы узнали еще об одном зверстве фашистов: под предлогом борьбы с сочувствующими партизанам немцы убили 72-летнюю старуху - Клементьеву Евдокию Петровну, а 30 мирных жителей деревни закопали в землю живыми. В одном из сел фашисты забросали целый колодец живыми детьми и всех их уничтожили.

В шесть часов утра 26 июня 1944 года, после кровопролитного ночного боя, город Витебск был освобожден. Были захвачены большие трофеи: оружие, боеприпасы и продовольствие - 52 склада. Фронт ушел дальше на запад. Но нашу 164-ю дивизию в числе нескольких других оставили для уничтожения окруженных немецких группировок, так как на предложение капитулировать фашисты ответили отказом.

Поздно вечером 26 июня прошёл слух, что немецкая группировка ликвидирована. Все как-то расслабились. Привезли ужин, все стали есть, уже не прячась в окопы. Я со своим «Максимом» находился на охране командного пункта командира батальона. Впереди были две траншеи стрелков и три наших пулемета «Максим». Было уже за полночь, когда с запада на небольшой высоте появился немецкий самолёт-разведчик «Рама», как мы его называли. Летел он низко и что-то громко передавал на немецком языке. Как мы узнали позднее, это было обращение к окруженным немцам с указанием координат их наступления. Защелкали стоящие в стороне зенитки. Кто-то стрелял по самолёту из автоматов и винтовок. Самолёт пролетел, и все стихло.

Прошло еще некоторое время. Многие, поужинав, уже успели прикорнуть после положенной чарки водки. И вдруг началась бешеная, ураганная автоматная стрельба. Раздались крики: «Гансы! Фрицы! Огонь!». Все бросились к своему оружию и открыли ответный огонь. Фашисты шли в психическую атаку, во весь рост, стреляя на ходу, все они были пьяны. Их сопровождали восемь танков и шесть штурмовых орудий. Недалеко от нас стоял сарай с сеном. Мой земляк, ординарец командира нашего взвода М.М.Коломийцева, Петр Шишкин, поджег сарай из ракетницы. Стало светло, как днем. Стоявшие впереди нас «Максимы» строчили непрерывно. Один из них немцы уничтожили быстро, хотя пулеметчики, как мы увидели утром, уложили их немало. А второй, где наводчиком был Роберт Спиров, стрелял непрерывно во фланг фашистов, уничтожив их несколько десятков. Пулемет замолчал только тогда, когда закончились патроны.

Так как фашистов было не менее тысячи, им удалось ценой больших потерь преодолеть две стрелковые траншеи. Они двинулись прямо на КП батальона, где мы находились. Командир батальона капитан Засухин, имеющий несколько боевых наград, выскочил наружу из блиндажа и сразу же погиб, скошенный автоматной очередью. Командир нашей пулеметной роты старший лейтенант Чернышев лег за мой пулемет наводчиком, а я лег за второго номера, подавая ленту с патронами. Мы стали непрерывно вести огонь. Рядом с нами отстреливались солдаты взвода разведчиков, взвод автоматчиков полковой роты (среди них был рядовой Исаак Аронович Альт-

вергер, ныне председатель Совета ветеранов нашей 164-й стрелковой дивизии), все вооруженные автоматами ППШ, сапёры, связисты и т. д. Но фашисты лезли как ошалелые...

Две наши самоходные артиллерийские установки, находившиеся левее нас, стали отходить задним ходом, стреляя на ходу. Недалеко от нас рвались немецкие мины. Мы все дружно стреляли. И слышали стрельбу двух наших «Максимов» на правом и левом флангах. Прямой наводкой была помогавшая нам батарея 494-го артполка, под командованием капитана В.А.Галкина.

Старший лейтенант Чернышев получил пулевое ранение в левое плечо, и его рука повисла, как плеть. Он приказал мне лечь за пулемет. Я вел огонь, пока не израсходовал все патроны. Затем я схватил валявшуюся рядом немецкую винтовку с трассирующими пулями, из которой уложил еще нескольких фрицев. Фельдшер стал перевязывать рану командиру роты. Меня удивило, что он ни разу не застонал, хотя пуля сидела очень глубоко. Мне было жаль расставаться с ротным командиром, я привязался к нему. Он был в два раза старше меня и называл меня сынком. Я был маленький, худенький, да еще круглый сирота...

Тем временем бой продолжался. В командование батальоном вступил начальник штаба лейтенант Моисеев. Мы уже стали отбиваться гранатами - и нашими, и немецкими на длинной деревянной ручке. Лейтенант Моисеев приказал нам ползком, по очереди, отходить. Я снял замок у «Максима», положил его в свой вещмешок. А пулемет опустил на дно окопа и засыпал его сеном. Мы отошли метров на четыреста, к шоссе Витебск - Орша. Залегли в кювете. Отстреливались последними патронами, но немцев не пропустили. Только небольшая группа фашистов прорвалась на стыке полков и ушла в лес. Днем их добились.

Это было моим первым по-настоящему боевым крещением! Иногда спрашивают: «А было ли страшно на войне?» Конечно, было! Кому же жить не хочется? Когда в ночь на 27 июня мы вели жестокий и неравный бой, я как-то и не думал о страхе. Стремился все сделать так, как нас учили в учебном центре в Ачинске, где нас хорошо подготовили. И я делал все как надо. Рядом были опытные командиры и друзья. А когда кончился бой, стало очень тихо. Только тогда я почувствовал,

как дрожат руки и ноги. Стало страшно, когда представил, что могли ведь убить... Но, слава Богу, выжил. И в этом первом бою, и во многих еще более тяжелых сражениях. Я перенес два тяжелых ранения. Закрыв собой в бою командира роты и 52 года носил в себе вражескую пулю, которую извлекли только в 1996 году.

А по поводу страха на войне очень хорошо написала известная фронтовая поэтесса Юлия Друнина:

Я только раз видала рукопашный:
Раз наяву - и тысячу во сне,
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне!

В это же самое время, то есть в 1 час ночи 27 июня 1944 года, около 3000 немцев перешли в контратаку в направлении совхоза Ходцы, где держали оборону наш 620-й стрелковый полк и батальон мотоциклистов. Немцы потеснили 1-й батальон и вышли к командному пункту полка. Весь КП полка вступил в схватку. Оружием, гранатами, ножами и кулаками сражались: командир полка подполковник Я.Я.Сонис, начштаба майор Я.В.Гичев, замполит полка майор Г.С.Лядов, командир 494-го артполка майор Гаврилов, его заместитель майор Миролюбов, все офицеры, сержанты и солдаты штаба полка. Утром возле командного пункта насчитали 86 трупов немцев, 120 фашистов сдались в плен.

В эту ночь храбро сражался весь личный состав полка, 6-я рота 2-го батальона 620-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Мусаткина захватила в развалинах деревни Черепки около 500 пленных. Особо отличились разведчики 244-й отдельной разведроты, приданной нашей дивизии, под командованием старшего лейтенанта Князева Игоря Федоровича. «Человек из легенды» - так называли его. Отлично зная немецкий язык, он пробирался в окопы немцев, захватывал языка, а в блиндаже мелом оставлял надпись: «Взял пленного. Разведчик Игорь». К сожалению, в эту ночь он погиб, прикрывая отход своих подчиненных.

27 июня наш командарм предъявил ультиматум окруженным немцам, и с 12 часов 27 июня они стали сдаваться в плен. На участке нашего 620-го стрелкового полка в плен сдались

командир 53-го армейского корпуса генерал Гольвицер, его начштаба - полковник Шмидт, другие генералы и офицеры, Генерал Гольвицер был любимцем Гитлера. 6 ноября 1943 года Гитлер, посетив Витебск вместе с командующим группой «Центр», назначил Гольвицера комендантом Витебска, обещая ему всяческую помощь и поддержку в надежде, что он удержит город очень долго. А они продержались всего четверо суток. За это время только наша 39-я армия взяла в плен 8149 человек. Всего через армейский пункт военнопленных прошло более 19 000 немцев.

Правительственными наградами были отмечены в нашем 620-м полку около 120 человек. Я и мой земляк, Петр Шишкин, получили медали «За отвагу», а лейтенант Коломийцев — орден Красной Звезды.

26 июня 1944 года Москва салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов 20 залпами из 224 орудий. Наша 164-я дивизия получила наименование Витебской, а за участие в освобождении города Каунаса была награждена орденом Красного Знамени и стала называться 164-й стрелковой Витебской краснознаменной дивизией. Она трижды получала благодарность от Верховного Главнокомандующего, а каждый воин ее получил специальное печатное благодарственное письмо за подписью Верховного.

В нашей дивизии служили и дружно воевали воины 38 национальностей. По Белоруссии и Литве мы прошли 550 километров, почти половину - с боями. Нас называли дивизией прорыва: бросали на самые тяжелые участки, где надо было прорвать оборону врага. Поэтому нас перебрасывали из одной армии в другую, всего мы воевали в составе тринадцати армий.

Известна наша дивизия еще и тем, что именно в ее составе начала свой боевой путь 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша. Это произошло 12 октября 1943 года в районе белорусской деревни Ленино.

Хотя я воевал в составе дивизии чуть меньше года, за это время она стала Витебская и краснознаменная. Так что на ее знамени есть и мои капли крови. Воюя в ее составе, я получил две боевые награды: медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Здесь я подрос, возмужал и стал настоящим солдатом. Получил воинское звание сержант, приобщился к комсомоль-

ской работе. Все это впоследствии мне очень пригодилось.

Но первое боевое крещение мне снится до сих пор! Тем более, что мне часто приходится выступать перед молодежью: учащимися, солдатами воинской части 6549, откуда я ушёл в отставку и где состою на учете как ветеран. Последний четверг каждого месяца мы собираемся в городке Подбельского, в клубе Центрального округа ВВ МВД. А недалеко от метро «Преображенская площадь», на 2-й Пугачевской улице, в школе № 372 находится музей нашей 164-й Витебской краснознаменной стрелковой дивизии. В этой школе мы встречаемся довольно часто, выступаем перед школьниками. По праздникам ходим на Преображенское кладбище возлагать венки на могилы похороненных там воинов, выступаем на митингах. Со школой у нас очень хорошие, дружественные отношения,

Помнят о нашей 164-й дивизии и в Белоруссии. В июне 1994 года нас, ветеранов, приглашали в город Витебск на празднование 50-летия освобождения Белоруссии. Четверо суток, с 24 по 27 июня 1994 года, мы провели как в чудесной сказке. Нас встречали как самых дорогих гостей! Бесплатно кормили, поили, развлекали. Мы шли впереди войск на юбилейном параде. Многие люди подходили к нам, обнимали, целовали и дарили цветы. Особенно тепло нас встречали в школе № 22. Показали нам чудесный концерт, угостили прекрасным обедом, преподнесли многочисленные подарки. На витебском телезаводе «Витязь» есть музей нашей дивизии. Он тоже хорошо шефствует над нами. Большое всем спасибо!

Жизнь продолжается!

Награды

Медаль «За отвагу» (№ 1281934), орденом Красной Звезды (№ 2004761), орденом «За боевые заслуги».

Указом президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Указом президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года награжден медалью «За взятие Кёнигсберга» (А № 027426).

Указом президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1948 года награжден юбилейной медалью «XXX лет Советской армии и флота».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1957 года награжден юбилейной медалью «40 лет Вооруженных сил СССР».

Награжден медалью «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел СССР» приказом министра Внутренних дел СССР №217 от 8 апреля 1959 года.

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года награжден юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 года награжден юбилейной медалью «50 лет Вооруженных сил СССР».

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года награжден юбилейной медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

От имени Совета ветеранов 16 гвардейской армии награжден почетным знаком «Ветеран 16 гвардейской армии», «За мужество и героизм, проявленные в боях за Родину в Великой Отечественной войне» (9 мая 1977 г.)

В соответствии с Указом президиума Верховного совета СССР от 28 января 1978 года награжден юбилейной медалью «60 лет Вооруженных сил СССР».

В 1980 году вручен нагрудный знак «Ветерану ударной армии 1941-1945гг.».

В 1984 году награжден Знаком ветерана 164 КВСД.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (А № 458877).

В соответствии с указом президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 года награжден юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В соответствии с Указом президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 года награжден юбилейной медалью «70 лет Вооруженных сил СССР».

Награжден юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Награжден юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (указ от 23 марта 1995 года) (П № 12483076).

Награжден медалью «ЖУКОВА» (указ от 19 февраля 1996 года) (Г № 0893430).

Так же был награжден медалями «200 лет Министерства Внутренних дел России» и «80 лет Вооруженных сил СССР».

От пули соседа прикрыть

Только раз выпадает нам жить,
И второй мы займы не одолжим.
Но от пули соседа прикрыть
Кто-то должен, в бою, кто-то должен.

В конце 1944 года наши войска в Курляндии (Прибалтика) прижата к Балтийскому морю, а затем отрезали от основных сил большую группировку немцев (от Тукумса до Либавы), более 33 дивизий.

21 декабря 1944 года мы перешли в наступление. Наша 164-я стрелковая Витебская краснознаменная дивизия («дивизия прорыва» как нас называли) была в первых рядах наступавших. Мы освободили несколько деревень и хуторов. Взяли большие трофеи.

Наша 4-я стрелковая рота 620-го стрелкового ордена Александра Невского полка, к вечеру 23 декабря продвинулась далеко вперед. Заночевали где-то в лесу. А рано утром, когда еще было совсем темно, фашисты нас опередили, перейдя в контр наступление. Наша рота оказалась в окружении, так как соседи отошли. Командир роты старший лейтенант М.М.Коломийцев принимает решение: прорываться к своим. Я все время был при старшем лейтенанте. Мы привязались друг к другу. Тем более, что из пополнения, прибывшего в полк весной 1944 года в районе Красное (Смоленской области), в

строю осталось всего несколько человек, в том числе комроты и я. Оба мы были ранены. И оба вернулись в свою часть.

Был морозный день. Снега было мало, так кое-где запорошило. Но лужи и земля были замёрзшие.

И вот по команде мы вскакиваем и, стреляя, бежим вперёд. Я бежал чуть левее и чуть впереди старшего лейтенанта... Кругом лес. И, вдруг! Откуда-то перед нами возникла группа фрицев и открыла по нам огонь. Пули задевали за ветки деревьев, трещали разрывные пули. У немцев их было много. Старший лейтенант командует: «Вперед! Вперед!»

И вот я заметил, что один офицер, из-за дерева стреляет в старшего лейтенанта из пистолета. Я бросился чуть вперед и заслонил старшего лейтенанта собой, стараясь отрезать фашиста очередью из автомата. Но фашист меня опередил. Меня ударило в грудь. Я почувствовал острую боль в желудке, задохнулся и потерял сознание. В мозгу только промелькнуло: «Вот и моя очередь наступила!»

Очнулся я быстро. Наши все лежат, отстреливаются. Рядом со мной лежит Иван Козаков, сержант. Он меня спрашивает: «Куда тебя задело?»

Я отвечаю: «Вроде, в живот».

- «Бежать сможешь?» - «Наверное, смогу». - «Будем прорывать», - говорит.

- «А того фрица, который в меня стрелял, прикончили?» - спрашиваю я.

- «Да, - говорит, - я его срезал. Унтер или фельдфебель был. Из парабеллума палил».

Я хотел поправить автомат, он мне мешал своим круглым диском. Поднял левую руку, а из рукава телогрейки кровь хлещет. Пошевелил кистью левой руки, только большой палец чуть-чуть шевелится, а остальные – нет.

Я Ивану говорю: «И в левую руку еще долбанули».

- «Ничего, терпи, - отвечает, - скоро дома будем!»

Бежал я со всеми вместе, стреляя одной правой рукой. Левая висела как плеть. Из нее струилась кровь. Падал и вновь поднимался и снова бежал. Помню все смутно. Мне все время сильно хотелось пить. Я падал в кювет, грыз зубами лед и опять поднимался и бежал.

Приближаясь к своей передовой, мы выскочили на поляну, но тут попали под свой пулеметный огонь.

Кто-то свалился, был ранен или убит. Все, как по команде, заругались матом! Стрельба прекратилась. И когда вскочил в свои окопы, я выдохся и вновь потерял сознание...

Очнулся от резкого запаха. Надо мной стоял старший сержант с толстой санитарной сумкой через плечо. Санинструктор давал мне нюхать нашатырный спирт. Потом он наложил жгут на левую руку выше локтя, сказав, что я потерял много крови, уложил меня на носилки, и два солдата понесли меня в санитарную роту. Там мне сделали глубокий укол в рану, в живот. Сняли жгут с левой руки и наложили шину и гипс, от кисти до плеча, буквой «Г». Рука была вся в грязи, прямо на грязь и наложили. А через правое плечо к левой руке сделали повязку.

Затем на полуторке, в кузове, вместе с другими ранеными, отправили в медицинский санитарный батальон – медсанбат.

Машина шла по очень разбитой фронтовой дороге, и все раненые очень стонали, вслух ругая шофера отборной бранью.

В медсанбате меня положили в большую, как зал палату, прямо на землю, правда, на матрац, под которым была солома. Меня мучили жар и жажда, я просил пить, но воды мне не давали, смачивали только губы влажным тампоном из марли. Я продолжал стонать. Тогда санитар пригласил ко мне врача, молодую симпатичную женщину. Она осмотрела мои раны и ушла. А через некоторое время пришли санитары с носилками и унесли меня в операционную.

В операционной солдатскими обмотками привязали мои руки и ноги к столу. Пришли несколько хирургов и медсестер. Среди всех выделялся один врач. Был он высокого роста, широкоплечий, говорил приглушенно, но твердо. Он несколько минут обстукивал мою рану, нажимал со всех сторон. Давал делать то же другим врачам, и операцию отложили. Потом приходило еще несколько человек во главе, как мне сказали, с главным хирургом – высоким мужчиной в очках. Он долго меня ощупывал, стучал пальцами и тоже сказал: «Давайте пока понаблюдаем». И меня опять отправили на свое место, а затем перевели на деревянные нары, на второй этаж.

Три дня мне не давали есть, а только пить, и то чуть-чуть. Часто делали какие-то уколы. Потом мне стали давать есть – бульон и манную кашу. Приносили по 100 граммов водки,

обычно в обед. Но я ее еще не пил, и, пожилой сосед, раненый в ногу, пил за меня и пытался меня учить пить.

Я был лежачий больной, и вставать с нар мне не разрешали, благо в туалет по тяжелому я не хотел, а по легкому приспособился ходить в немецкий плоский котелок.

В медсанбате я провел дней 5-6. Там же я получил и первую радостную весточку – меня нашёл и навестил старший лейтенант М.М.Колошинцев. Он рассказал мне о делах в роте и батальоне, передал привет от ребят-однополчан. Сказал, что на меня он подал представление на присвоение мне звания Героя Советского Союза. Но никакой награды я не получил. Недавно я узнал, что командир дивизии полковник Синицин не пропускал никого на Героя, так как сам он не был Героем. Начальник политотдела дивизии полковник Сидоров был Героем Советского Союза, но он получил это высокое звание в другой части и к нам прибыл уже Героем. Так в нашей дивизии нет ни одного Героя. Наверное, оно единственное в Вооруженных силах, которое не вырастило ни одного Героя. Я после войны писал в Министерство обороны и к 50-летию победы – Б.Н. Ельцину. Оттуда письмо обычно направляют в Главное управление кадров Министерства обороны. Заместитель начальника управления В. Подустов в последнем ответе от 17 октября 1995 года №173-3/65822 бюрократически мне ответил: «Ничего нового мы Вам сообщить не можем».

А я сколько боли перенес, сколько крови потерял от операций по извлечению пули. Пытались ее извлечь в 1945 г. в больнице им. Ботника, в 1986 году в Центральном госпитале МВД СССР. Под наркозом были тяжелые операции, но так и не извлекли. В 1994 году в госпитале ветеранов войны № 3 отказались извлекать пулю. А в 2003 году 50 дней (с 5 июля по 25 августа) пролежал в институте им. Склифосовского. Мною занимались лично директор института – профессор Ермолов А.С. и его заместитель по лечебной части профессор Абакумов М.М. И решили, что пулю трогать не стоит. Рентгеновские снимки моей пули взяли и в Музей медицины, и студентам демонстрировали, и слайды делали. В общем, я являюсь уникальным экземпляром «эха войны». Однако никакого вознаграждения я за свой поступок не получил.

Но вернемся к нашей встрече в медсанбате со старшим лейтенантом Коломийцевым. Он угощал меня ромом (впервые

в жизни попробовал) из своей фляжки, трофейным шоколадом, галетами и еще чем-то. Я отказывался пить и есть, ссылаясь на то, что мне нельзя еще есть, а он только приговаривал: «Ешь все подряд, что есть и быстрее поправишься».

И действительно, с того часа я стал есть все подряд. И даже у санитаря просил добавки, так как меня держали на строгой диете и кормили впроголодь.

Расставались мы со старшим лейтенантом Коломийцевым очень тепло. Это было второе расставание. Первое летом, когда его ранило в ногу, и я его на лошадях отвозил в медсанбат. А теперь мы поменялись ролями: я уезжал в госпиталь, а он возвращался на передовую, в окопы. И когда уже обменялись адресами, обнялись, расцеловались по-русски троекратно, он вдруг говорит: «Подарю тебе на память самую дорогую для меня вещь». И вытаскивает из заднего кармана брюк завернутый в белый носовой платок маленький пистолет – браунинг. Я отказывался от такого дорогого подарка. А он говорит: «Я себе еще в бою добуду, а тебе на гражданке в борьбе со всякой нечестью пригодится». Он мне говорил, что меня после такого тяжелого ранения или комиссуют совсем, или отпустят домой не менее чем на полгода. А за это время война кончится. Ну, а если после лечения будут отправлять на фронт, требуй направления в свой полк. До начальника госпиталя дойди, а добейся направления к нам. Мне заранее напиши, я затребую тебя в свою роту. А лучше требуй, чтобы тебя обязательно отпустили домой к двум младшим несовершеннолетним братьям, круглым сиротам. Обязательно съезди домой, помоги братишкам. Круглым сиротам очень тяжело!

Когда он уходил, другие раненые мне завидовали: «Какой хороший, душевный у тебя командир, это настоящий отец солдата!»

Но предсказания моего командира не сбылись. И домой меня не отпустили, и в свою часть не направили. И поковать мне еще изрядно пришлось. И братья-сироты натерпелись, заплакались и хлебнули не один фунт лиха... А подарок любимого командира я хранил как зеницу ока. И хотя в магазине браунинга было всего три патрона, когда он мне подарил, но к нему подходили патроны от нашей винтовки.

После войны, где-то осенью 1945 года, я служил командиром отделения 5-й стрелковой роты 167-го гвардейского пол-

ка, 1-й гвардейской пролетарской, Московско-Минской, ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова мотострелковой дивизии (сюда меня направили после госпиталя, в марте 1945 года), участвовал в штурме Кёнигсберга и Пиллау и после войны еще служил в ней (в Калининграде, где она стоит и сейчас) вплоть до декабря 1948 года. О моем пистолете узнал контрразведчик 2-го батальона – старший лейтенант. Он вызвал меня к себе, сначала угрожал отдать меня под суд, так как был приказ сдать все огнестрельное и холодное оружие. Я ему объяснил, как ко мне попал этот пистолет, что это подарок командира, которого я спас, заслонив собой в бою. Он мне не поверил и предложил взамен свои серебряные наручные часы. В первый раз я не отдал ему пистолет, хотя он лежал у меня в грудном кармане гимнастерки, но когда он вызвал меня вторично, стал шантажировать, угрожать, я отдал ему пистолет и от его часов отказался. А выйдя от него, очень плакал...

После войны я писал на родину старшего лейтенанта Коломийцева, в Воронежскую область, ст. Митрофановка, п/о Степная Михайловка. Но оттуда мне ответили, что вскоре после окончания войны он приезжал, забрал свою мать, адрес его неизвестен. Пытался найти его через райвоенкомат, но я не знаю его полного имени и отчества, и райвоенкомат отказался направить розыск.

На следующий день после посещения командира роты меня вместе с другими ранеными погрузили в санитарный поезд и отправили в тыл. Двое суток нас везли, и ночью мы прибыли в город Шяуляй. Мне так и не разрешили подниматься, и на носилках перенесли в санитарную машину (в это время репродуктор передал бой Кремлевских курантов. Наступил 1945 год – год нашей Великой Победы) и увезли в госпиталь (в/ч21623) г. Радвилишкис. Это в километрах 20 от Шяуляя. Там я лечился до 5 марта 1945 года. В госпитале мне сделали рентген, нашли пулю в животе, но сказали, что операцию делать не будут. На мою просьбу извлечь пулю врач ответила: «Дороже будешь, мальчик, с металлом».

Из госпитальной жизни мне запомнился очень молодой маленький солдатик, мой одноклассник, рядом со мной лежал. У него было тяжелое ранение в позвоночник, и он самостоятельно не мог даже шевелиться. У него были пролежни. От него

исходил неприятный запах. Я ему помогал, чем мог. Кормил его с ложки, хотя ел он плохо, давал ему пить, если он просил, выносил «утку» и т. д. В госпитале вообще была большая взаимопомощь. Если посылку кто получал, делились со всеми. Письма читали вслух.

Нашу палату обслуживали две медицинские сестры – Нина и Валя. Работали они через день. К раненым относились очень хорошо. И вот, видя мучения моего соседа, они сопереживали вместе с ним. Ежедневно его обрабатывали. Нина часто украдкой плакала из-за его страданий, чем вызывала симпатию раненых, в том числе и мою. Я даже был тайно в нее влюблен. С тех пор любой Нине я симпатизирую.

После рентгена живота, где-то на третий день после прибытия в госпиталь, мне разрешили ходить, и я прогуливался по коридору. Останавливался возле репродуктора. Он был один на весь этаж. К репродуктору у раненых было особое отношение. Диктор Всесоюзного радио Ю. Левитан всегда заранее объявлял в урочный час: «Слушайте новое важное сообщение». И к назначенному времени возле репродуктора собиралась большая толпа. И раненые, кто на костылях, кто без ног (были и такие), и свободный персонал. Открывали все палаты, чтобы и тяжелораненые слышали.

Как только Левитан начинал: «От Советского информбюро...», устанавливалась гробовая тишина... Как будто все и дышать переставали. Слушали, стараясь не пропустить ни слова. Особенно воодушевлялись те, имена чьих командиров назывались в приказах Верховного Главнокомандующего. И, наоборот, в печаль впадали те, кто узнавал об отступлении их армии или фронта. И такие случаи бывали, правда, редко. Я, например, очень переживал гибель в 3-м Белорусском фронте генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, под чьим командованием и я воевал. Он был самый молодой командующий фронтом и уже дважды Герой Советского Союза. Если бы не погиб, то к концу войны был бы и трижды Героем, как Г.К. Жуков. Талантливый и горячий был генерал. Всегда лез в самое пекло. И погиб в феврале 1945 года, пытаясь проскочить обстреливаемый участок. Я видел его всего один раз, осенью 1944 года. Мы совершали пеший переход, а он обгонял нас, сидел возле водителя в кавалерийской бурке, ехал на аме-

риканском «виллисе». Проехал от меня в двух метрах. Я впервые видел тогда генерала армии – волевое, спокойное лицо.

Я хорошо запоминал передачи. Память у меня была хорошая все время. Потом приходил в палату и рассказывал тем, кто не слышал.

Более полутора месяцев левая рука была у меня в гипсе, с бинтом через плечо. Когда сняли гипс, то фронтовая грязь на руке засохла так, что медсестра Нина с трудом соскоблила и долго отмывала. А я не смог разогнуть руку в локте, хотя локоть не был поврежден. От длительного нахождения в гипсе рука атрофировалась. Ходил разрабатывать локоть в кабинет физкультуры и на электропроцедуры. А в целом левая рука после прострела так и осталась значительно слабее правой. К 27-й годовщине Красной Армии и флота, 23 февраля 1945 года, силами раненых, выздоравливающих и сотрудников госпиталя был подготовлен концерт, в котором я читал фронтовую поэму К. Симонова «Сын артиллериста» и стих «Как немецкий летчик Гес заработал крест». А еще пел две песни: «В далекий край товарищ улетает» - Никиты Богословского из кинофильма «Истребители», и дуэтом с одним сержантом «Тонкая рябина». Стихи эти я выучил еще в Ачинске.

А один капитан 3-го ранга (морской майор) замечательно пел английскую песенку «Мэри» на мотив «Вечера нам приносят прохладу». Вот она:

Мэри,

Дорогая, любимая Мэри,
Скоро в дом наш откроешь мне двери...
И обнимешь меня у порога,
После всех пережитых тревог.

Поцелуй мне подарить свой жгучий,
Голосок твой услышу певучий
Это будет уж к дому дорога,
Всех счастливее в мире дорог.

Помню грустный день нашей разлуки,
Твои слезы и нежные руки,
Что обняли меня, провожая,

В тот далекий, безрадостный путь.

Образ Мэри всегда был со мною
Путеводною яркой звездой,
Сквозь опасность ведя, провожая,
И шептал он, моим только будь!

Пока выступали, а мы давали концерт во всех отделениях госпиталя, я запомнил эту песенку. Однажды, когда капитан 3-го ранга, не помню, по какой причине, не смог выступить, я его подменил. И хотя пел я хуже капитана, встречали тоже неплохо.

5 марта 1945 года мне вручили справку о ранении, в которой говорилось: «В бою за Советскую Родину сержант 620 стр. полка Остапенко М.К. 24 декабря 1941 г. был тяжело ранен.

Д-з: сквозное пулевое ранение левого предплечья с повр. локтевой кости и слепое пул. ранение в области эпигастрия.

Командир части 21623

Под-к м/с - Четверухин».

Это было мое второе ранение. И еще была легкая контузия с потерей сознания.

Вручили продовольственный аттестат: командировочное предписание нам выдали общее, на всю группу (нас было человек 10). Обмундировали нас во все старое. Правда, полушубок мне выдали белый, полунодовый. Нам приказали явиться в штаб 3-го Белорусского фронта на сборный пункт, который находился уже где-то в Восточной Пруссии.

Никто нас толком не провожал. Медсестра Нина обняла и поцеловала меня. Она была удивлена, что нам выдали старое обмундирование. Посылала меня к начальнику госпиталя, но куда мы не пошли, а на попутных отправились к фронту. Много шли пешком. Сухой поек нам выдали на трое суток, мы съели его еще в первый же день, а дальше пользовались «бабушкиным аттестатом», то есть как придется.

Добирались до передовой трое суток. Одну ночь ночевали на хуторе, у литовцев. Они же нас и кормили хлебом, картошкой, молоком. Два или три человека предлагали найти русских женщин и «погулять вволю». Но большинство настояли на следовании Долгу... Реку Неман переходили по понтонному мосту в районе г. Тильзит (ныне Советск, Калининградской

области). Из штаба фронта нас направили в штаб 2-й гвардейской армии, а оттуда – в 1-ю гвардейскую, пролетарскую, Московско-Минскую, четырежды орденоносную мотострелковую дивизию. Попал я в 5-ю стрелковую роту 167-го гвардейского стрелкового полка командиром отделения. В составе этой дивизии участвовал в штурме Кёнигсберга и Пиллау. Кёнигсберг мы штурмовали с юга, в районе Панарты. Много лазали по подвалам, коллекторам и различным подземным сооружениям. Там, под землей, был буквально второй город. Встречали много гражданских лиц, в основном женщин, детей и стариков. Некоторым оказывали помощь.

Штурмовали дома, превращенные в крепость. Буквально все окна домов были выложены толстым слоем кирпича. Участвовали и в штурме одного из фортов, стены которого даже снаряд не брал, и в штурме настоящей крепости-цитадели - Королевского замка. Геббельсовская пропаганда хвасталась, что крепость-цитадель неприступна. Там были очень большие запасы и боеприпасов, и продовольствия. Мы же Кёнигсберг взяли за три дня, с 7 по 9 апреля 1945 года.

В основном наша дивизия и принимала пленных фашистов из крепости-цитадели. Только воинами 2-й гвардейской армии было взято в плен 57640 немцев, в том числе и комендант крепости – генерал от инфантерии (было у немцев такое звание) Ляш Отто.

Кто побывал в первые годы после войны в Кёнигсберге и Пиллау, тот помнит, что в Кёнигсберге на стене крепости была надпись (она и сейчас есть): «Здесь первыми прошли гвардейцы полковника Толстикова». И точно такая же надпись есть на кладбищенской стене при въезде в Пиллау (ныне Балтийск). Только вместо полковника там написано уже другое – генерал-майор.

Павел Федорович Толстиков, командир нашей прославленной 1-й гвардейской дивизии, за успешный штурм Кёнигсберга получил звание генерала и Героя Советского Союза.

После штурма Пиллау эта крепость и военно-морской порт фашистов были взяты 25 апреля 1945 года. Это был их последний опорный пункт фашистов на Земландском полуострове.

В апреле 1995 года нас, участников штурма Кёнигсберга, приглашали на празднование 50-летия штурма этой немецкой

твердыни. Впечатление незабываемое. Были мы там с 7 по 10 апреля 1995 года. Жили в той же казарме, в которой я служил первые годы после войны. Кормили и поили нас бесплатно. Состоялся парад войск Калининградского гарнизона, где мы, ветераны, шли во главе войск. А как нас приветствовали калининградцы! Это надо было видеть! Для нас были организованы два больших концерта, провели торжественное собрание с чудесным обедом. Мы посетили предприятия и организации. И опять обед, и памятные подарки, грамоты, адреса, книги о штурме Кёнигсберга и т. д. Впечатления самые превосходные!!!

7 мая 1945 года мы пешим маршем возвратились в Кёнигсберг и здесь встретили долгожданный День Победы – самый счастливый день в моей жизни!!! Самый светлый, самый радостный!

Но после войны мне и моим одногодкам, 1926 года рождения, срочную службу пришлось служить еще до 1951 года, - более 7 лет, когда подросли более молодые защитники Родины. Но я в том году уже стал офицером и посвятил всю свою жизнь армии.

5 июня 1996 года в Центральном госпитале МВД РФ группа хирургов во главе с В.И.Тарасовым наконец-то извлекла пулю из моего тела, которую я носил в себе 52 года. Она осталась у меня как военная реликвия.

Декабрь 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Райчук Александр Сергеевич**, студент 1-го курса факультета прикладной механики Московского авиационного института (государственного технического университета).*